

ТОЛСТОЙ О ЧЕХОВЕ

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Лев Толстой высоко ценил Чехова-художника и горячо любил его как человека. Об этом имеются десятки документальных свидетельств. «... Ни к кому из современных писателей Толстой не относился с такой симпатией, как к Чехову,— вспоминал П. А. Сергеевко.— Даже когда Л. Н. только заговаривал о Чехове, то у него лицо принимало особенный теплый отсвет» (П. А. Сергеевко. Толстой и его современники. М., 1911, стр. 225). Толстому был близок реализм Чехова, правдивость и искренность его творчества, но вместе с тем он находил, что у Чехова отсутствует «своя определенная точка зрения» и неоднократно отмечал это. Однако художник брал в Толстом верх над моралистом, и подавляющее большинство известных нам его отзывов о рассказах Чехова содержит их положительную оценку. Как свидетельства современники, Толстой любил читать вслух новые вещи Чехова в кругу друзей и родных.

Впервые с Чеховым-писателем Толстой познакомился в 1888 г., по-видимому, по сборнику рассказов «В сумерках». 15 марта 1889 г. он записал в дневнике: «Я читал хорошенькие вещицы Чех(ова). Он любит детей и женщин, но этого мало», а 17 марта: «Весь вечер сидел один, читал Чехова. Способность любить до художеств(енного) прозрения, но пока незачем» (Полн. собр. соч. Толстого. Юбилейное издание, т. 50-51. М., 1952, стр. 52—53.— В дальнейшем указываем только том и страницу).

То же впечатление вынес Толстой и от личной встречи с Чеховым, проводившим несколько дней в Ясной Поляне в августе 1895 г. «Чехов был у нас, и он понравился мне,— писал Толстой сыну Льву Львовичу 4 сентября.— Он очень даровит, и сердце у него, должно быть, доброе, но до сих пор нет у него своей определенной точки зрения» (т. 68-69, с. 158; ср. выше запись В. С. Миролубова в марте 1900 г. слов Толстого о Чехове: «нет идеи, нет цельности, не знаешь зачем писано» — стр. 517 настоящ. тома). В дневнике Толстого от 21 декабря 1897 г. новая запись: «Сейчас прочел рассказ Чех(ова) „На подводе“. Превосходно по изобразительности, но риторика, как только он хочет придать смысл рассказу» (т. 53 с. 172). В январе 1899 г. вышел в свет рассказ Чехова «Душечка», ставший любимым произведением Толстого. Известны многочисленные отзывы Толстого о «Душечке» и его послесловие к рассказу, помещенному в I томе «Круга чтения» (М., 1906). Образ Душечки, созданный Чеховым, Толстой поставил в ряду бессмертных образов мировой литературы, рядом с героями Шекспира и Сервантеса. В его дневнике от 20 марта 1905 г. сделана запись: «Тургенев написал хорошую вещь: Гамлет и Дон Кихот и в конце присоединил Горацио. А я думаю, что два главные характера это Дон Кихот и Горацио, и Санхо Пан(са), и Душечка. Первые большею частью мужчины; вторые— большей частью женщины» (т. 55, с. 129.— Анализ восприятия Толстым образа Душечки см. в статье В. Лакшина «Чехов и Лев Толстой». — «Новый мир», 1960, № 1, стр. 238—242).

До конца жизни Толстой не изменил своего отношения к прозе Чехова. «Читаю Чехова второй день и восхищаюсь», — записал он 20 марта 1907 г. (т. 56, с. 189). Об этом же свидетельствуют и публикуемые записи в дневнике 1905—1910 гг. его домашнего врача Д. П. Маковицкого. В дневнике Маковицкого приведены отзывы о рассказах «Злоумышленник» и «Попрыгунья», оценка которых Толстым до сих пор не была известна.

Но, ценя Чехова-прозаика, Толстой полностью отрицал его как драматурга. Ни одна из пьес Чехова не нашла положительного отклика у Толстого. Известно немало его высказываний на эту тему. Характерные для него суждения приведены ниже в неизданных письмах А. А. Санина, П. П. Гнедича и в дневнике Д. П. Маковицкого (записи от 26 ноября 1905 г., 13 августа 1909 г., 31 января 1910 г.).

К. Богаевская

* * *

В настоящей публикации документы №№ 1—4 сообщены Н. И. Гитович № 5 — Н. Г. Розенблюмом; № 6 — Н. Н. Гусевым.

После смерти Чехова в газете «Русь» (1904, № 212, от 15 июля) появилась статья А. Зенгера «У Толстого», в которой приводится беседа с Толстым о Чехове. Эти высказывания Толстого до сих пор полностью не перепечатывались; мы даем их под № 7.

1

Т. Л. ТОЛСТАЯ — А. П. ЧЕХОВУ

⟨Москва. 30 марта 1899 г.⟩

Уважаемый Антон Павлович,

я оттого до сих пор не отвечала вам, что ваше письмо пришло в Москву, когда я была в Ясной Поляне, и мой отец мне его не переслал, а сам исполнил ваше поручение, пославши г-ну Чумикову для перевода свою статью «Об искусстве» в полном виде, без цензурных вымарок¹.

Мне очень жаль, что вы не пишете мне о вашем здоровье. Судя по вашим работам — надо думать, что вы в полном обладании всех ваших сил. Ваша «Душечка»² — прелесть! Отец ее читал четыре вечера подряд вслух и говорит, что поумнел от этой вещи. У меня стол был набит номерами «Семьи», и я насилу сохранила себе один экземпляр. Меня всегда удивляет, когда мужчины писатели так хорошо знают женскую душу. Я не могу себе представить, чтобы я могла написать что-либо о мужчине, что похоже было бы на действительность. А в «Душечке» я так узнаю себя, что даже стыдно. Но все-таки не так стыдно, как было стыдно узнать себя в «Ариадне»³. Папа прочел нам также рассказы в сборнике Белинского⁴, которые тоже очень ему понравились, так же как и всем нам. Особенно хорош «Керосин»⁵. Ну, а вот вам ложка дегтю: видела «Чайку», которая имела тут огромный успех, и она все-таки не вошла в число моих любимых. Простите, что все это пишу вам — вам наверное это совсем все равно. Но меня так близко трогает всякое ваше произведение, что я не удержалась от того, чтобы вам об этом не написать.

До свиданья. Будьте здоровы.

Толстая

30 марта 99.

Москва.

Автограф. ЛБ, ф. 331, 60/43. Цитировалось — XVIII, 463.

¹ Речь идет о письме Чехова от 8 марта 1899 г. по поводу просьбы переводчика В. А. Чумикова получить разрешение Толстого перевести на немецкий язык статью «Что такое искусство?» (XVIII, 105—106).

² Рассказ «Душечка» напечатан в журнале «Семья», 1899, № 1.

³ Рассказ «Ариадна» напечатан в «Русской мысли», 1895, № 12.

⁴ В сборнике «Памяти В. Г. Белинского» (М., 1899) напечатаны рассказы Чехова «Оратор», «Неосторожность» и «В бане».

⁵ Рассказ «Неосторожность».

2

А. А. САНИН — А. П. ЧЕХОВУ

〈Москва. 12 марта 1900 г.〉

...Кстати, известно ли вам, что у нас был этой зимой Толстой, смотрел «Ваню» и «Одиноких»¹, и с высоты олимпийского величия свое суждение изрекал... Должен вам сказать, что я на Толстого зол, имею зуб, и сейчас изолью «всю желчь и досаду» — а вы меня простите, дорогой Антон Павлович, за мое «еретичество» и будьте моим судьей... Толстому не понравился мой любимый «Дядя Ваня», хотя он очень чтит и ценит вас как писателя. «Где драма?! — вопил гениальный писатель, — в чем она, пьеса топчется на одном месте!..» Вот за это спасибо! За этот синтез благодарю Толстого!.. Он как раз говорит о том, что мне в «Дяде Ване» дороже всего, что я считаю эпически важным, глубоким и драматически, говорит о болезни нашего характера, жизни, истории, культуры, чего хотите, о «славянском топтании» на одном месте... Да, в чем же действительно наша драма, наше горе?! — Затем Толстой заявил, что Астров и дядя Ваня — дрянь люди, бездельники, бегущие от дела и деревни как места спасения... На эту тему он говорил много... Говорил еще о том, что «Астрову нужно взять Алену, а дяде Ване — Матрену, и что приставать к Серебряковой нехорошо и безнравственно»...

Автограф. ЛБ, ф. 331, 58/15.

Александр Акимович Санин (Шенберг. 1869—1955), актер и режиссер. Был помощником Станиславского по режиссуре еще в Обществе искусства и литературы, в спектаклях которого принимал также участие и в качестве актера — сначала под фамилией Бежин, потом — Санин. С основания Художественного театра работал в нем как актер и режиссер. После 1902 г. Санин был режиссером в петербургских театрах — Александринском и Малом. В 1917 г. вернулся в Художественный театр и окончательно ушел из него в 1919 г. Впоследствии находился в эмиграции.

¹ Толстой смотрел в Художественном театре «Дядю Ваню» 24 января и «Одиноких» Гауптмана — 16 февраля 1900 г. 27 января он записал в дневнике: «Ездил смотреть „Дядю Ваню“ и возмутился» (54, 10). Высказывания Толстого о «Дяде Ване» — см. в письме Вл. И. Немировича-Данченко к Чехову от февраля 1900 г. («Ежегодник Московского Художественного театра, 1944 г.», т. I. М., 1946, стр. 129).

3

Л. А. СУЛЕРЖИЦКИЙ — А. П. ЧЕХОВУ

Лион. 〈Январь 1901 г.〉

...Лев Николаевич был очень огорчен, когда узнал, что вы уехали. Он очень хотел вас видеть и поджидал вас все время к себе, он говорит, что несколько раз собирался быть у вас, и зашел бы непременно, но его останавливало то, что ему показалось, когда он был у вас, что его посещение было вам как-то стеснительно¹. «Но непременно передайте ему, что я его очень люблю и всегда был бы рад его видеть» — «как же, как же...», прибавил он несколько раз про себя уже.

И мне досадно, что этого не вышло. Я всегда стесняюсь в таких случаях говорить что-нибудь, чтобы не сделаться этаким свахой какой-то писательской, мне это противно... А между тем я сам отлично знаю, что он был бы очень рад вас видеть. Он всегда с большой похвалой говорит о ваших работах и считает вас лучшим писателем. Кстати: прочел он „Трое“ Горького и говорит: «Теперь уж стар стал и хочется читать больше, чем когда-либо, а вот не мог дочитать „Троих“². Неинтересно просто. Вот этого никогда не бывает с чеховскими вещами. Всегда, даже если вещь не нравится по содержанию, всегда прочтешь всю с большим интересом. Большой художник...»

Автограф. ЛБ, ф. 331, 59/79.

¹ Вероятно, здесь имеется в виду посещение Толстым Чехова в Москве 22 апреля 1899 г. Об этом посещении Чехов писал М. О. Меньшикову 27 апреля 1899 г.: «Был у меня Л. Н. Толстой, но поговорить с ним не удалось, так как было у меня много всякого народу, в том числе два актера, глубоко убежденные, что выше театра нет ничего на свете» (XVIII, 140).

² К этому времени Толстой мог прочесть только начало повести Горького «Трое» в журнале «Жизнь», 1900, № 11 и 12.

4

В. С. МИРОЛЮБОВ — А. П. ЧЕХОВУ

⟨Петербург.⟩ 14 октября ⟨1902 г.⟩

...Был в Ясной Поляне, старик бодр и благостен. Хвалит «Архиерея» и расспрашивал о вас. Я провел у него время превосходно: задушевно и содержательно...

Автограф. ЛБ, 331, 52/10. Год определен по почтовому штемпелю.

Рассказ «Архиерей» напечатан в «Журнале для всех», 1902, № 4.

5

П. П. ГНЕДИЧ — Л. О. ГНЕДИЧ

Париж. ⟨Весна 1903? г.⟩

...Что «Три сестры» ты едва досидела — это понятно, Толстой даже дочитать не мог. Помнишь, он сказал мне претонкую вещь: «Если пьяный лекарь будет лежать на диване, а за окном идти дождь, то это, по мнению Чехова, будет пьеса, а по мнению Станиславского — настроение; по моему же мнению, это скверная скука, и, лежа на диване, никакого действия драматического не вылежишь...»

Автограф. ИРЛИ, ф. 73, ед. хр. 122, л. 25.

Лина Осиповна Гнедич — жена П. П. Гнедича. О том, что Толстой «искренно любя Чехова, не любил его пьес», — вспоминает П. П. Гнедич и в своей «Книге жизни» (Л., 1929, стр. 180; ср. там же, стр. 178—181).

6

ИЗ ДНЕВНИКА Д. П. МАКОВИЦКОГО

26 ноября 1905 г. Чехов — несомненный талант, но пьесы его плохие. В них не решаются вопросы, нет содержания: внешняя техника выработана.

1 марта 1906 г. «Злоумышленник» — превосходный рассказ, — сказал Л. Н. — Я его раз сто читал. Тоже судьбы.

29 марта 1907 г. Л. Н. прочел вслух «Попрыгунью» Чехова. Две трети прочел сам — так живо, что я воображал себе всю историю, как если бы происходило у меня на глазах... Читая, Л. Н. сначала очень смеялся и восхищался рассказом: «С таким тонким юмором написано!.. Это мне удовольствие предстоит, это я перечту всего Чехова».

13 августа 1909 г. Л. Н. видел в Художественном театре «Дядю Ваню». Играли Книшпер, Андреева... — «Это бог знает что», — сказал Л. Н. про «Дядю Ваню».

8 сентября 1909 г. Л. Н. прочел «Беглеца» Чехова. — «Как это хорошо читать! — сказал он. — Я иногда, когда трогательно или смешно, волнуюсь».

31 января 1910 г. Кн. Долгоруков хвалил пьесы Чехова, говорил, что на сцене Художественного театра они производят больше впечатления, чем «Анфиса»¹ и проч.

«Если в противовес андреевским драмам, тогда это очень „хорошо“, — сказал Л. Н.

Автограф. Архив Гос. Музея Л. Н. Толстого.

¹ «Анфиса» — пьеса Л. Н. Андреева.

7

У ТОЛСТОГО

«Так, скончался Антон Павлович... Хорошие похороны, говорите, были? Ну отлично... Речей не было? По его желанию? Прекрасно, это прекрасно. Не надо речей... Я именно поэтому и не принимал никакого участия в его похоронах... Я противник всяких демонстраций... Даже и Тургеневу еще — он нарочно ко мне приезжал приглашать на пушкинские торжества — отказал тогда по тем же соображениям; потому что это мой давнишний взгляд: не надо демонстраций никаких, особенно посмертных... Но вот, раз вы заехали, я могу вам высказать то, что думаю о Чехове<...>

...Чехов, видите ли, это был несравненный художник... Да, да... Именно несравненный... Художник жизни... И достоинство его творчества то, что оно понятно и сродно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще... А это главное. Я как-то читал книгу одного немца, и там вот молодой человек, желая сделать своей невесте хороший подарок, дарит ей книги, и чьи? Чехова... Считая его выше всех известных писателей... Это очень верно, я был поражен тогда...

Он брал из жизни то, что видел, независимо от содержания того, что видел.

Зато если уж он брал что-нибудь, то передавал удивительно образно и понятно, до мелочей ясно... То, что занимало его в момент творчества, то он воссоздавал до последних черточек... Он был искренним, а это великое достоинство, он писал о том, что видел и как видел...

И благодаря искренности его, он создал новые, совершенно новые, по моему, для всего мира формы письма, подобные которым я не встречал нигде! Его язык — это необычный язык. Я помню, когда я его в первый раз начал читать, он мне показался таким странным, „нескладным“, но как только я вчитался, так этот язык захватил меня.

Да именно благодаря этой „нескладности“ или, не знаю, как это назвать, он захватывает необычайно и, точно без всякой воли вашей, вкладывает вам в душу прекрасные художественные образы...

...Я повторяю, что новые формы создал Чехов и, отбрасывая всякую ложную скромность, утверждаю, что по технике он, Чехов, гораздо выше меня!.. Это единственный в своем роде писатель...

<...>Я хочу вам сказать еще, что в Чехове есть еще большой признак: он один из тех редких писателей, которых, как Диккенса и Пушкина и немногих подобных, можно много, много раз перечитывать, — я это знаю по собственному опыту...

...Одно могу сказать вам — смерть Чехова это большая потеря для нас, тем более что, кроме несравненного художника, мы лишились в ней прелестного, искреннего и честного человека... Это был обаятельный человек, скромный, милый... Последние слова Толстой произносит сердечно и задумчиво...